

Лена Марасинова

# Государево милосердие в России XVIII века

Lena Marasinova

*Sovereign's Mercy in Russia of the 18<sup>th</sup> Century*

**Лена Марасинова** (Институт российской истории РАН, главный научный сотрудник Центра изучения русского феодализма; доктор исторических наук) lenamarassinova@gmail.com.

**Lena Marasinova** (Dr. habil.; Senior Research Fellow of the Department of Russian Feudalism Studying, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences) lenamarassinova@gmail.com.

**Ключевые слова:** Просвещение, милосердие императора, монополия на насилие, мораторий на смертную казнь

**Key words:** Enlightenment, mercy of the emperor, monopoly on violence, moratorium on the death penalty

УДК: 94(470+571)

DOI: 10.53953/08696365\_2023\_184\_6\_316

UDK: 94(470+571)

DOI: 10.53953/08696365\_2023\_184\_6\_316

Статья посвящена понятию «государево милосердие», которое являлось важнейшей составляющей картины мира любого российского подданного и одновременно использовалось в качестве важного канала репрезентации власти. Противоречивый контекст употребления этого понятия дает возможность по-новому оценить взаимосвязь престола и человека в России XVIII века. С одной стороны, у подданных всегда оставалась последняя надежда на монаршую милость, что проявилось в текстах челобитных и особенно в их официально установленных формулярах, которые задавали отношения престола и населения в парадигме «самодержец — «раб». Этот устоявшийся словесный оборот стал неотъемлемой частью политического официального языка и наиболее часто употреблялся в прошениях, судебных приговорах и так называемых милостивых манифестах. С другой стороны, нельзя сказать, что сами монархи относились к проявлению милости исключительно как к орудию социального контроля. Понимание сущности *государева милосердия* часто становилось серьезной, почти экзистенциальной проблемой для императора, особенно в контексте смертной казни и «монополии на насилие». Высочайше даруя жизнь осужденному преступнику, власть присваивала себе и «монополию на милосердие», что было даже с точки зрения Екатерины II, создавшей компиляцию идей просветителей под заглавием «Наказ» Уложенной комиссии, знаком гуманизации политики престола. Однако детальное сравнение текстов итальянского философа Беккарии и Наказа показывает диаметрально противоположные позиции русской императрицы и мыслителя. Для Беккарии любой факт *государева милосердия*, не обеспеченного законом и зависящего от воли автократа, был свидетельством политической деспотии. Для русских монархов и подданных единственным источником *монаршего милосердия* оставалась сакрализованная прихоть императора.

This article is about the concept of “sovereign mercy,” which was the most important component of the worldview of any Russian subject and was also used as an important channel for the representation of power. The contradictory context of using this concept makes it possible to re-evaluate the relationship between the throne and the individual in Russia in the 18<sup>th</sup> century. On the one hand, subjects always had a monarch’s mercy as their last hope, which appeared in texts of petitions and especially in their officially established forms, which gave the relationship of the throne and the population in an “autocrat/slave” paradigm. This well-established turn of phrase was an integral part of political official language and was most frequently used in petitions, court sentences, and so-called merciful manifestos. On the other hand, it cannot be said that the monarchs themselves treated the manifestation of sovereign mercy solely as an instrument of social control. Understanding the essence of sovereign mercy often was a serious, almost existential problem for the emperor, especially in the context of capital punishment and a “monopoly on violence.” By supremely granting life to a sentenced criminal, the state also granted itself a “monopoly on mercy,” which from the point of view of Catherine the Great, who created a compilation of ideas of enlightenment under the title of “Order” of the Legislative Commission, was a sign of the humanization of the throne’s policies. A detailed comparison of the texts of the Italian philosopher Beccaria and the Order shows the diametrical positions of the Russian empress and the thinker. For Beccaria, any fact of sovereign mercy that was not secured by law and that was dependent on the will of the autocrat was proof of political despotism. For Russian monarchs and their subjects, the only source of monarchial mercy was the sacralized whim of the emperor.

## «Милостивый государь и «Отец Отечества»

Практика посланий на высочайшее имя существовала со времен Древнего мира и может, пожалуй, считаться неотъемлемым атрибутом любой монархии, в котором заключена прочно укоренившаяся вера подданных в справедливость и милосердие верховного правителя. Свидетельства о подаче челобитных великому князю, а позднее царю, относятся к XV—XVI векам: «жалобники» упоминаются в первом общероссийском своде законов 1497 года, а также в Судебнике 1550-го и в Соборном уложении 1649 года<sup>1</sup>. К XVIII столетию челобитные становятся важнейшей частью политической жизни страны, главным легитимным средством, к которому прибегало население, защищая свои права. К царю с надеждой зывали представители практически всех сословий и социальных групп: писали посадские люди и купцы; писали дворцовые и черносошные крестьяне, статус которых давал им основание воспринимать монарха как своего непосредственного господина; писало духовенство, признавая главенство светской власти над патриархом; осмеливались писать частновладельческие крепостные, видевшие в своем помещике лишь временного и действительно «условного» владельца земли, издревле принадлежащей царю и общине; писали, наконец, наиболее приближенные к престолу служилые люди. Царю шли петиции и индивидуальные жалобы, которые просители часто были вынуждены передавать через посредников, но ни один выход двора не мог обойтись без попыток вручить челобитную лично монарху в руки<sup>2</sup>.

Постепенное усложнение социальной жизни русского общества обусловило быстрый рост объема челобитных на высочайшее имя и расширение круга проблем, затрагиваемых в жалобах, что привело в конечном итоге к жесткой регламентации их формуляра [Волков 1974: 11—13], а также к возникновению специальных правительственных органов, через которые шло ограничение потока посланий монарху и их фильтрация. На протяжении XVIII века постоянно выходили именные и сенатские указы, регламентирующие процедуру подачи петиций и прошений: «О неподаче государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертною казнию», «О неподаче и неприимании челобитен к делу не принадлежащими словами», «О неподавании прошений Ее Императорскому Величеству лично» и т.д.<sup>3</sup> Запрещалось пре-

- 
- 1 «А будет ему в приказе суда не дадут, или против его челобитья указу ему не учинят, и ему о том бити челом и челобитныя подавати государю, и то в челобитных своих описывать, что он о том деле наперед того в приказе бил челом, а указу ему в приказе не учинено» (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1-е. СПб., 1830 (далее — ПСЗ). Т. I. № 1. С. 20. 1649, 20 января). См. также: Судебники XV—XVI веков / Под общ. ред. В.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 19, 142—143, 375—376, 380, 386.
  - 2 В XVII веке 1 сентября на Симеона Летопроводца государи выносили свое личное решение по всем жалобам. Из грамот Михаила Федоровича и Алексея Михайловича видно, что монастырским людям и крестьянам назначалось три срока в году приносить личные челобитные верховному правителю: на Семенов день, Троицын день и Рождество (Круглый год. Русский земледельческий календарь / Ред. А.Ф. Некрылова. М.: Правда, 1989. С. 336).
  - 3 ПСЗ. Т. V. № 3261; Т. V. № 3475; Т. XVI. № 12240; Т. XVII. № 12903; и др.

подносить прошения императору на улице, в церкви, в праздничные дни, во время куртагов, обращаться с челобитными на высочайшее имя мимо надлежащих присутственных мест, Сената и генерал-рекетмейстера, а также ловить придворных и чиновников при выходе из коллегий и канцелярий, пытаться вручить им послание, адресованное монарху. Указы подобного содержания, блокирующие доступ подданных к венценосной особе, издавались на протяжении всего века практически ежегодно, что свидетельствует лишь о том, что подданные их игнорировали.

Стоическая вера в милосердие высшей инстанции не ослабевала, а мощное стремление достучаться до престола ломало все преграды. Екатерина была недалеко от истины, когда писала, что «весь город Москва иным не упражнялся, как писанием ко мне писем о таких делах, из коих многие уже давно решены были, либо течением времени сами собою исчезли»<sup>4</sup>. Этот порыв обратиться напрямую к государыне был свойственен не только жителям древней столицы, но и населению всей империи. Императрица вспоминала:

По восшествии моем на престол было у меня три секретаря; у каждого из них было по 300 прошений, и того 900. Я старалась, колико возможно, удовлетворять просителей, сама принимала прошения. Но сие вскоре пресеклось, понеже в один праздник, во время шествия к обедне, просители пресекли мне путь, став полукружием на колени с письмами. Тут приступили ко мне старшие сенаторы, говоря, что законы запрещают государю самому подавать прошения. Я согласилась на то, чтоб возобновили закон о неподаче самому государю писем<sup>5</sup>.

Анализ законодательства, упорядочивающего содержание, стилистику и объем поступающих жалоб, свидетельствует, что власть заботилась о сокращении потока прошений и перенесении большинства возникающих проблем в компетенцию органов местного управления. Наиболее значимой частью формуляра челобитной на высочайшее имя с точки зрения терминологической оставался жестко задаваемый трафарет обращения к монарху и подписи просителя. К концу XVII века социальная иерархия общества и представления о ней власти следующим образом отражались в «понятийном аппарате» прошений на высочайшее имя: представители податного населения должны были подписываться *сирота твой*, духовенства — *богомolec твой*, а служилым людям следовало именовать себя *холоп твой* [Там же: 48—49]. Традиционно, со времен «Русской правды», *холопом* считался человек несвободный, «крепкий земле и господину, дворовой, либо купленный раб»<sup>6</sup>. В русском языке бытовали

4 Рассказ императрицы Екатерины II-й о первых пяти годах ее царствования // Русский архив. 1865. Кн. I. № 1—6. Стб. 472—473.

5 Закон «о неподачии прошений Ее Императорскому Величеству, минуя надлежащие присутственные места и о наказаниях, определенных за преступление указа», будет «возобновляться» на протяжении всего правления Екатерины (См.: ПСЗ. Т. XVI. № 11606, 11687, 12117; Т. XVII. №12316; Т. XVIII. № 12903, 12946, 12966; и др.).

6 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. СПб.; М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1914. С. 559. См. также, например: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. III. СПб.: Изд-во Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук, 1903. Стб. 1384—1385; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6 ч. Ч. VI. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1822. Стб. 1171—1172.

понятия «кабальный», «полный», «обельный», «докладной» холоп. Однако наряду с определениями, отражающими путь к несвободному положению, данное понятие использовалось для наименования приближенной к верховной власти знати.

Укоренившееся с конца XV века в государственной практике Московской Руси обращение великого князя, а затем и царя к подданным было связано с ордынским влиянием. Зависимые от Ивана III знатные люди начали в обязательном порядке именоваться *холопами*, то есть так, как было принято называть вассалов хана, после того как великий князь обрел независимость от ордынского «царя» и сам стал претендовать на царское достоинство. Следовательно, появление обозначения «холоп» при обращении знатных людей к правителю не являлось следствием ужесточения их зависимости: оно имело целью не уничижение знати, а поднятие статуса великого князя, так как приравнивало его к правителям «царского» ранга [Хорошкевич 2001: 113, 121]. Таким образом, к XVIII столетию понятие *холоп* приобрело в русском языке двойное и даже внутренне конфликтное значение: с одной стороны, это наименование носили закабаленные люди, часто близкие по своему положению к рабам, а с другой — оно адресовалось элите общества, выражало особую близость к престолу и потому воспринималось как весьма престижное.

В посланиях на имя монарха представители низших социальных слоев, пытаясь самовольно повысить свой статус, нередко вместо «сирот» подписывались «холопами». Именно этот факт и побудил Петра I в декабре 1700 года запретить «не по чину» именовать себя в посланиях царю. В «памяти», направленной из ратуши в Брянск «земским таможенникам и кабацким бурмистрам», которая, как и многие акты казуального российского законодательства XVIII века, непосредственно касалась всего непривилегированного населения, говорилось: «Изо многих городов земские и таможенные и кабацкие бурмистры к Великому государю пишутся в отписках *холопами*, которых чинов наперед сего писались *сиротами*; и буде впредь кто станет так писаться, и за то учинено будет наказание»<sup>7</sup>.

Однако действие этого акта оказалось недолговечным — уже 1 марта 1702 года формуляр посланий монарху был изменен именным указом Петра «О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя»:

На Москве и во всех городах Российского царства царевичам и боярам, и окольным, и думным, и ближним, и служилым, и иноземцам, и купецким, и чернослободским, и всякого чину людям писать в челобитных, свою государскую честь, новым изложением, в начале: *Державнейший Царь, Государь Милостивейший*, и потом писать дело, а перед прошением, вместо милосердного *Всемилоостивейший Государь, прошу Вашего Величества* и потом прошение, а по прошении совершить *Вашего Величества нижайший раб* и под тем писать челобитчикам имена свои с прозванием и месяц и число и год; а по прежнему обыкновению в челобитных его царского именования титул не писать [Волков 1974: 32—34]<sup>8</sup>.

7 ПСЗ. Т. IV. № 1819. С. 91. 1700, 22 декабря.

8 С середины 80-х годов XVII века и до указа Петра начальные элементы обращения к царю в челобитных звучали как «великому государю царю», далее следовали имя и отчество царя и его сокращенный (для внутригосударственного употребления) титул.

Анализ прошений на высочайшее имя после 1702 года свидетельствует, что новый формуляр и, в частности, подпись «Вашего Величества нижайший раб», легко был усвоен челобитчиками и быстро перешел в разряд автоматически воспроизводимых штампов<sup>9</sup>. Официально заданное наименование подданных сохранялось и неоднократно подтверждалось<sup>10</sup> вплоть до 1786 года, то есть до указа Екатерины II «Об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя и в Присутственные места подаваемых челобитен». В императорском повелении, объявляемом «во всенародное известие», изменялась идентификация самого факта обращения к монарху и название послания:

Отныне впредь, вместо подаваемых до сего на имя Ее Величества *челобитен*, как к Ее Величеству, так и в присутственные места по искомым и другим делам, писать жалобницы или прошения, в коих после титула Ее Величества *бьет челом*, ставить: *приносит жалобу*, или *просит имярек*<sup>11</sup>.

Кроме того, принципиально трансформировалась словесная форма выражения зависимости автора послания от престола:

В присылаемых же к Ее величеству письмах и реляциях или донесениях, по окончании оных, вместо *всеподданнейшего раба*, подписывать просто: *всеподданнейший*, или *верный подданный*; а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего слово *раб* включается было, вместо оного употреблять имя: *подданный*<sup>12</sup>.

Безусловно, смысловым центром указа являлся запрет на использование во всех официальных бумагах понятия *раб* в качестве наименования, характеризующего отношения личности и престола. Это одно из многочисленных «семиотических» преобразований власти отменяло уже сложившуюся традицию этикетной формы выражения зависимого положения. Во второй половине XVIII века термин *раб* был общепотребительной подписью в самых различных посланиях, от писем отцу до представляемых монарху планов и проектов крупных сановников. В таких стереотипных фразах понятие *раб* имело метафорический смысл, далекий от содержания слов «невольник» или «обращенный в собственность», и приближалось по своему значению к этикетной подписи «покорнейший слуга».

Между тем императрица все же идет на запрет условного трафарета. Логично было бы предположить, что в данном случае ученица Вольтера следо-

9 См., например, письма Ф.М. Апраксина Петру (Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 9. Отд. II. Кн. 11. Л. 25–26, 38–39; Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek, 2\* Cod. Ms. Asch 171 Beil.). Установленная формула *нижайший раб* со временем обросла и другими выразительными определениями — *последний, подданный, страждущий* и т.п. (см., например, прошение В.Б. Голицына. 1775 год, июль: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 64. Карт. 94. Д. 17. Л. 4 об. — 6).

10 Так, в 1721 году в связи с изменением титула российского монарха и провозглашением его императором еще раз был определен формат подписи в челобитных и отписках — «Вашего Императорского Величества нижайший раб имярек» (ПСЗ. Т. VI. № 3850. С. 453–454. 1721, 11 ноября).

11 ПСЗ. Т. XXII. № 16329. С. 534. 1786, 13 февраля.

12 Там же.

вала риторике Просвещения<sup>13</sup>, отдавая на сей раз должное гуманистическому учению не только в письмах философам, но и в указе, подлежащем исполнению. По всей видимости, стремлением к просветительской стилистике можно объяснить и искоренение архаичных уничижительных формул «челобитная», «бить челом» [Рое 2000: 210—211] и замене их на производные от «просить», «жаловаться», «приносить жалобу» и т.п. [Агеева 2008: 173—176]<sup>14</sup>. В то же время законодательство XVIII столетия, особенно его второй половины, свидетельствовало об усложнении официальной трактовки института подданства и все более интенсивном использовании властью понятия *подданный* в качестве орудия социального контроля.

Однако Екатерина оставила без корректировки титулатуру, которую ввел Петр: в начале прошения писать «*Державнейший Царь, Государь Милостивейший*, и потом писать дело, а перед прошением, вместо милосердного *Всемилоостивейший Государь, прошу Вашего Величества* и потом прошение». В данной формулировке интимно-патриархальное обращение XVII века «государь-батюшка» было заменено на «державнейший царь», а призывное «всемилоостивейший государь» трансформировалось в почтительное «Ваше Величество». Однако отеческий и материнский мотив милосердия сохраняли непосредственную ассоциацию с образами двух «великих» по титулу императоров: Петра I и Екатерины II.

Новое наименование царя *Отец Отечества* было преподнесено Петру Сенатом в дни празднования Ништадтского мира вместе с титулом *император* и определением *великий*. В 1767 году депутаты Уложенной комиссии, вдохновленные «предпринятым подвигом утвердить непреложными законами блаженство нации», также обратились к императрице с просьбой принять титулы: «Екатерина Великая, премудрая, мать Отечества». Екатерина титул *Мать Отечества* отклонила, но образ «милосердной государыни» старалась поддерживать на протяжении всего своего правления. Свои многочисленные указы она настойчиво мотивировала заботой о «благоденствии верноподданных». «Мы со дня самого вступления нашего на всероссийский престол сему правилу последуем о пользе и всеобщем добре наших подданных пеших, яко мать о детях своих»<sup>15</sup>.

13 Вероятно, сыграла свою роль свойственная эпохе несколько идеалистическая вера в силу разумного законодательства, строгое подчинение которому должно было преобразить и страну, и людей. Будучи еще юной великой княгиней, Екатерина писала: «Свобода, душа всего, без тебя все мертво. Хочу повиновения законам, но не рабов; хочу общей цели — сделать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества, не жестокости, которые несовместны с нею» (Собственноручные заметки Великой княгини Екатерины Алексеевны // Сборник Русского исторического общества. Т. 7. М.: Тип. Имп. Акад. наук, 1871. С. 84; далее — Сб. РИО).

14 О.Г. Агеева высказала предположение, что изменения формуляра прошений на высочайшее имя в 1786 году было так или иначе связано с реформированием двора и русификацией наименований отдельных чинов, относящихся непосредственно к этому же времени. Учитывая данное замечание, можно говорить не только об ослаблении монопольного присутствия немецкого языка в терминологии придворной иерархии, но и замене некоторых архаичных для конца XVII века русских слов и выражений в политическом лексиконе. Немаловажно, что подобные лингвистические нововведения сопровождались напряженной работой над шеститомным словарем русского языка в специально учрежденной в те же годы Российской академии.

15 ПСЗ. Т. XVI. № 11843. С. 270. 4 июня 1763.

## «Государево милосердие» и смертная казнь

Часто встречающееся в официальных документах понятие *государево милосердие* показывает его высокую корреляцию прежде всего с угрозой смертной казни и ее отмены *по беспримерному монаршею милосердию*. Приговоры к смертной казни в России XVIII века требовали обязательной конфирмации, поскольку только монарх мог распоряжаться жизнью подданного. Это исключительное право использовалось как важный канал репрезентации власти. Воля императора могла выступать и орудием справедливого возмездия, и демонстрацией *царской милости* в случае замены смертной казни другим наказанием.

Гуманизация уголовных практик и история моратория на смертную казнь в середине — второй половине XVIII века дают важный материал для понимания *государева милосердия* в контексте религиозного сознания самого монарха. Хорошо известно и подтверждается сведениями различных по своему происхождению документов, что Елизавета Петровна ввела негласный мораторий на смертную казнь, следуя своему обету, данному перед иконой Спаса в день дворцового переворота 1741 года. Решение императрицы не было объявлено подданным и может быть определено как негласный мораторий. Приговоры к смертной казни выносились, как и прежде, все они поступали на высочайшую конфирмацию и оставались без ответа. После смерти Елизаветы Петровны было обнаружено более трех тысяч нерассмотренных дел. Приговоренные колодники отправлялись на каторгу и гибли там в течение нескольких недель. Императрица никогда не интересовалась их судьбой и была уверена, что сполна отблагодарила Бога, который «милости хотел, а не жертвы»<sup>16</sup>.

Действия российской монархини в ночь перед переворотом мотивировались прежде всего глубоким религиозным чувством. Еще Михаил Щербатов проницательно замечал: «Хотя не можно сказать, чтобы Елизавета Петровна не имела исполненное человеколюбием сердце, но смертные казни при самом восшествии ее на престол отставлены были не на основании систем человеколюбия, но по единой набожности»<sup>17</sup>. Все эти курьезы религиозного чувства так бы и остались сокровенным опытом отдельной личности, если бы этой личностью не была императрица, властвующая в самодержавной Российской империи. С одной стороны, обряд венчания на царство придавал особую экзальтацию христианской вере любого русского монарха. С другой стороны, сакральная воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Именно этими далекими от политического прагматизма, можно сказать экзистенциальными, обстоятельствами и объясняется контекст законов о «невершении смертной экзекуции».

Однако современники и потомки не особенно вникали во всю сложность мотивов Елизаветы, вероятно до конца не понятных и ею самой. Двадцатилетний мораторий на высшую санкцию стал реальностью, и отчасти этот факт

---

16 См.: ПСЗ. Т. XX. № 14275. С. 82—86. 1775, 17 марта; Т. XXI. № 15488. С. 649—650. 1782, 7 августа.

17 Щербатов М.М. Размышления о смертной казни // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М.: Унив. тип., 1860. С. 66.

и побудил итальянского просветителя Черазе Беккариа поставить вопрос: «Является ли смертная казнь действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении?»<sup>18</sup> Во всяком случае, именно Беккариа один из первых с нескрываемым восхищением отозвался о двадцатилетнем моратории «императрицы Московии Елизаветы, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов отечества»<sup>19</sup>. Характерно, что из всей мировой истории философ смог опереться лишь на беспрецедентный опыт категорического запрета смертной казни для всех без исключения подданных в России середины XVIII века да извлечь из далекого прошлого в качестве дополнительного доказательства привилегию «римских граждан», не подлежащих высшей мере наказания. Собственно, здесь заканчивалось краткое перечисление «немногих общественных союзов», которые и то «только на короткое время воздерживались от смертной казни». Беккариа уподобил этот отказ власти от сомнительного права на убийство с «великими истинами, которые подобны мгновенной вспышке молнии по сравнению с длинной непроглядной ночью, поглотившей человечество»<sup>20</sup>.

В наследство от царствования Елизаветы Петровны Екатерина II получила традицию негласного моратория на смертную казнь и несколько тысяч нерассмотренных дел, за которые по действующему законодательству была вынесена высшая мера наказания<sup>21</sup>. Императрица вспоминала о первых месяцах своего правления: «Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было»<sup>22</sup>.

Очевидно, что Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей»<sup>23</sup> почитала, как ни странно, не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Не с меньшим пиететом относилась она и к Чезаре Беккариа, превратив главу X «Наказа» Уложенной комиссии «Об обряде криминального суда» в сплошное цитирование текста «О преступлениях и наказа-

18 Цит. по: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. М.М. Исаева. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 314. Необходимо заметить, что существующие переводы трактата Беккариа на русский отличаются стилистическими, а иногда и смысловыми оттенками. Ср., например: *Зарудный С.И.* Беккариа о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X-ю Наказа Екатерины II и современными русскими законами: Материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства. СПб.: Тип. Второго отд-ния собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1879; [*Беликов С.Я.*] Маркиз Беккариа. О преступлениях и наказаниях / Пер. с итал. с этюдом «Значение Беккариа в науке и в истории русского уголовного законодательства». [Харьков: Б.и.,] 1889; *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Пер. с итал. Ю.М. Юмашева. М.: Стелс, 1995.

19 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с итал. М.М. Исаева. С. 314.

20 Цит. по: Там же. С. 314, 317–318, 331.

21 Указа о «невершении смертной казни» без санкции Сената императрица сразу не подтвердила, но и распоряжений о приведении в исполнение не вынесенных в предшествующее правление приговоров не последовало.

22 Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования // Коваленский М.Н. Хрестоматия по русской истории. Т. 3. М.: Т-во «Мир», 1917. С. 200–201.

23 Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765 // Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 29–31.

ниях». Однако детальное сравнение текста знаменитого трактата и десятой главы «Наказа» обнаруживает выборочное и пристрастное заимствование, что показывает не только предпочтения императрицы, но и ее косвенное несогласие с Беккариа, а также попытку адаптировать идеи автора «О преступлениях и наказаниях» к российской действительности.

В 1775 году, после расправы с участниками восстания Пугачева, Екатерина приказала похоронить выставленные напоказ тела казненных, «лобные места истребить» и «впредь по преступлениям, смертную казнь заслуживающим, поступать по точной силе 1754 года указа»<sup>24</sup>. Несмотря на то что именно тогда императрица практически подтвердила полную приостановку смертной казни и ни разу не нарушила ее до конца своего правления, она хранила молчание по поводу своего личного отношения к двадцатилетнему мораторию предшествующего царствования. Показательно, что единственное оценочное высказывание о феноменальном опыте Елизаветы Петровны Екатерина просто скопировала в свой «Наказ» из трактата Беккариа<sup>25</sup>.

Бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным. В трактате Беккариа дважды ставит вопрос риторический вопрос — «справедлива ли смертная казнь в хорошо устроенном правлении» и «необходима ли она для безопасности и общественного порядка»<sup>26</sup>. Разумеется, Екатерина обращается только ко второй формулировке и цитирует лишь соображения философа об исключительных случаях вынужденного для власти лишения жизни своих подданных:

...смерть гражданина может в одном только случае быть потребна, сиречь, когда он, лишен будучи вольности, имеет еще способ и силу, могущую возмутить народное спокойство. ...или во время безначалия, когда самые беспорядки заступают место законов. А при спокойном царствовании законов... где вся власть

24 ПСЗ. Т. XX. № 14294. С. 104—106. 1775, 6 апреля. Кстати заметить, что расправа с участниками восстания Пугачева станет практически последней смертной казнью в Российской империи вплоть до повешения пятерых декабристов в 1826 году. Во время Наполеоновских войн полковник М.М. Петров, впервые в жизни увидевший виселицу недалеко от городка Штропен, был глубоко потрясен: «Между прочим... вдруг предстало глазам моим... какое-то отдельное строенье... не виданного никогда мною образа: с пятью столбами... стоящими на высоком круглом цоколе. На столбах этих лежали перекладыны. Я спросил проводника моего: “Что это такое?” Он отвечал: “Виселица”. <...> Тоскливое изумление, как черный ворон, простерлось и объяло душу мою скорбию. “Как, — думал я, — и в те самые минуты, когда, казалось мне, что судьба совершила уже лестные желания мои, приблизив меня в благоговении к божественной Германии, к народу, казавшемуся мне, по описаниям и слухам от многих, благоизбранным нравов, и вот на первом шаге моем к ним встречает меня прекрасное ручательство — виселица!!” (1812 год; Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея / Сост. Ф.А. Петров и др. М.: Мысль, 1991. С. 136—137).

25 См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. М.М. Исаева. С. 317—318; Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. С. 62; см. также: Плавинская Н.Ю. Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: Первоначальный текст Наказа, источники, переводы, тексты. М.: Памятники исторической мысли, 2018. С. 181—199.

26 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с итал. М.М. Исаева. С. 241, 314; Наказ императрицы Екатерины II. С. 62.

в руках Самодержца, — в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимать жизнь у гражданина<sup>27</sup>.

Первая половина правления Екатерины была отмечена тремя громкими казнями, завершившимися отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием. Однако сентенции по делу поручика Василия Мировича, виновников московского Чумного бунта 1771 года и, как уже отмечалось, участников восстания Емельяна Пугачева 1773—1774 годов свидетельствуют, что после двадцатилетнего моратория власть вынуждена была развернуто аргументировать оправданность возобновления смертных казней. Характерно, что при этом использовалось христианское учение, преступники обвинялись в попрании не только государственных законов, но и закона Божьего, а благостный образ *милосердной государыни* изолировался от смертных приговоров. Священный образ венценосной императрицы возвышался над окончательным решением, которое принимало представительное собрание. За исключением Синода, который чисто плотнo самоустранился от подписания смертных приговоров, Сенат, президенты коллегий, персоны первых трех классов и прочие бюрократические иерархи как бы брали на себя всю ответственность за казнь. Тем самым «беспримерное милосердие и сострадательное человеколюбивое сердце Ее императорского величества» оставалось незапятнанным.

По делу поручика Мировича объявлялось, что императрица собственноручно на докладе Сената написала о прощении подпоручика за оскорбление своей особы, но вот вынесение вердикта по поводу его покушения на «целость государственную и всеобщее благополучие отдает в полную власть собранию»<sup>28</sup>. В приговорах убийцам архиепископа Амвросия и участникам пугачевского восстания образ императрицы связывался прежде всего с актами помилования, а не с решением о смертной экзекуции. Даже если это помилование заключалось в том, что повешены были не все виновники Чумного бунта, а только двое по жребию, а остальные наказаны кнутом и сосланы на каторгу. Высочайшее решение о снисхождении к казакам, выдавшим Пугачева, вообще было торжественно зачитано с Красного крыльца в Кремле при большом скоплении народа на другой день после публичных казней. В этом тексте монаршее помилование было названо «беспримерным милосердием самодержицы нашей, превосходящей всех смертных и единому Богу в излишней щедрот своих уподобляющейся»<sup>29</sup>.

Екатерина полагала, что в документах, исходящих от престола, понятие *милосердие* придает особое звучание прагматичному использованию таких идей и ценностей Просвещения, как «веротерпимость», «торжество фундаментальных законов», «соответствие наказания тяжести преступления» и т.п. Однако в то же время *государево милосердие* рассматривалось ее современником Чезаре Беккариа как обратная сторона деспотизма. Итальянский мыслитель писал:

27 Зарудный С.И. Беккариа о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X-ю Наказа Екатерины II... С. 74; Плавинская Н.Ю. Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения. С. 392—393.

28 См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12228. С. 890—892. 1764, 17 августа; № 12241. С. 897—907. 1764, 15 сентября.

29 См.: ПСЗ. Т. XIX. № 13695. С. 364—371. 1771, 10 ноября; Т. XX. № 14233. С. 1—15. 1775, 10 января.

Для предотвращения преступности надо способствовать развитию наук и просвещения, награждать добродетели, уделять больше внимания воспитанию детей. Необходимо отказаться от института помилования: милосердие должно быть в законах, а не быть прихотью судьи или правителя<sup>30</sup>.

Характерно, что эти слова из трактата философа, столь широко цитируемого в «Наказе», императрица проигнорировала.

Екатерина исключает из «цитатника» «Наказа» неприемлемое для любого просветителя отождествление греха и преступления и обходит стороной вопрос Беккариа: «Каким образом порча в сердце может служить мерилom при наказании?»<sup>31</sup> Именно в правление императрицы возрастает особая ценность искреннего сожаления осужденного по поводу совершенного преступления и все более становятся типичными приговоры, дополняющие клеймение или каторгу покаянием в монастыре [Marasinaova 2016]. Стремление властей, выражаясь в стилистике Фуко [Фуко 1999: 7–104], не только карать тело, но и исправлять душу, по мнению некоторых современных исследователей, было результатом опосредованного воздействия идей пиетизма на русское законодательство, проводником которых выступала и сама императрица. Как указывает немецкий историк Клаус Шарф, влияние на юную цербтскую принцессу Софью Августу Фредерику<sup>32</sup> военного пастыря-пиетиста Фридриха Вагнера и духовного наставника великой княгини Екатерины Алексеевны выпускника университета в Галле Симона Тодорского «сравнимо с влиянием Вольтера»: «...евангельские мотивы покаяния, искупления, прощения она использовала даже в полемических высказываниях» [Шарф 2015: 85–108].

Не случайно высочайшие конфирмации по делам о смертных преступлениях свидетельствуют, что именно императрица стала инициатором приговоров к «купному наказанию покаянием», которые должны были выносить светские суды. Одну из первых таких конфирмаций Екатерины написала в 1766 году собственноручно на французском языке непосредственно на докладе Сената по делу об убийстве геодезиста Шулепникова его женой Федорой. Следствие по этому делу тянулось более восьми лет и, можно сказать, зашло в тупик в связи с крайне смутными и путанными показаниями вдовы геодезиста: она говорила, что нашла мужа уже скоропостижно умершим, и тут же обвиняла во всем дворовых девок, которые его якобы задушили, или вообще заявляла о собственном «беспамятстве». В усольской воеводской и галицкой провинциальной канцеляриях согласно сложившейся традиции решили, что «для изыскания истины» Шулепникову следует пытать, однако указы 1763 и 1765 годов требовали осмотрительности по части допроса с пристрастием, и

30 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с итал. М.М. Исаева. С. 394.

31 С точки зрения философа: «Лишь один <Творец> позволил себе оставить за собою право соединить в одном лице законодательную и судебную власти, так как только он один способен избежать при этом отрицательных последствий такого совмещения» (Там же. С. 223–226).

32 Вспоминая о своей ранней юности в Цербсте, Екатерина писала: «Мне дали наставника, который обучал меня Закону Божьему. <...> Сей духовный отец чуть не подверг меня в меланхолию: наговорил мне столько о Страшном суде и о том, как трудно спастись» (Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 7–8; см. также письмо Екатерины II Гримму от 20 января 1776 года: Сб. РИО. Т. 23. С. 41).

дело было передано в Сенат, где также не хотели рисковать и направили экстракт императрице. В высочайшей конфирмации говорилось:

Есть большое количество показаний против этой женщины, но ее показания противоречивы... Я освобождаю ее от допроса и повелеваю заключить на один год в монастырь или тюрьму, не позволяя никому ее видеть, кроме священника, который должен побуждать ее покаяться при помощи религиозных чувств, поста и молитвы... затем поступить, как законы повелевают<sup>33</sup>.

Характерно, что в 60—70-е годы XVIII столетия церковное покаяние присуждалось часто лишь на финальном этапе вынесения вердикта, то есть в высочайших конфирмациях. Но постепенно эта склонность императрицы привлекать церковь к борьбе со «смертными преступлениями» была осознана Сенатом, а потом и низшими судебными инстанциями. К концу 70-х — началу 80-х годов, особенно после проведения губернской реформы и публикации Устава благочиния, покаяние все чаще появляется в сентенциях уголовных палат и земских судов, выносимых по делам, за которые ранее подобная форма взыскания не полагалась [LeDonne 1984: 196]. Постепенно таинство самообвинения грешника перед лицом Всевышнего окончательно превратилось в неотъемлемую часть резолюций по тяжким преступлениям, выраженную формализованной строкой приговора. Многотомные «Журналы высочайшим конфирмациям на докладах Сената и других мест» и «Реестры решенным делам по уголовной экспедиции» на протяжении десятилетий воспроизводили один и тот же юридический штамп в отношении осужденных представителей высшего сословия: «Держав целую неделю на хлебе и воде, предать церковному покаянию; а потом по лишении чинов и дворянского достоинства сослать на поселение»<sup>34</sup>.

В некоторых приговорах, усугубляющих наказание наложением епитимьи или осуждением на церковное покаяние, оправданность подобной меры аргументировалась. Но если в царствование Елизаветы шли общие рассуждения о последнем праве преступника позаботиться о своей душе перед казнью и «просить Бога умиловаться», то при Екатерине речь шла об «очистке совести» и исправлении в этой земной жизни. Так, например, считалось, что от кнута последует только «скорбь», а покаяние принесет «сердечное восчувствование злодеяния» и «превращение в полезного члена общества»<sup>35</sup>.

Таким образом, для подданных Российской империи *государево милосердие* оставалось и объектом веры, и часто единственным средством добиться справедливости, а иногда и сохранить жизнь. Соответственно, это понятие использовалось как важный механизм социального контроля и было призвано демонстрировать всемогущество и сакральность самодержавного престола. В то же время во второй половине XVIII века, в период царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II, ореол *милосердной монархини и матери Отечества* служил средством подтверждения легитимности их «женского» правления. *Государево милосердие* было демонстрацией и «монополией власти на

33 См.: РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 146. Л. 1—4.

34 См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3. Л. 17, 18 об., 25, 37 об. и др.; Ф. 248. Оп. 62. Кн. 5269—5439. Л. 79—80, 137 и др.

35 См., например: ПСЗ. Т. XX. № 15032. С. 958—961. 1780, 9 июля; РГАДА. Ф. 248. Оп. 61. Д. 5195. Л. 75—91 об.; и др.

насилие» и высочайшей милости, что проявлялось особенно в связи со смертными приговорами. И если русские императрицы считали *милосердие* христианской добродетелью, то итальянский просветитель Чезаре Беккария видел в праве «казнить и миловать» обратную сторону деспотизма.

## Библиография / References

- [Агеева 2008] — *Агеева О.Г.* Императорский двор в России. 1700—1796 годы. М.: Наука, 2008.
- (Ageyeva O.G. Imperatorskiy dvor v Rossii: 1700—1796. Moscow, 2008.)
- [Волков 1974] — *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
- (Volkov S.S. Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka: formulyar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva. Leningrad, 1974.)
- [Фуко 1999] — *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
- (Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. Moscow, 1999. — In Russ.)
- [Хорошкевич 2001] — *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- (Khoroshkevich A.L. Rus' i Krym: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV — nachalo XVI vv. Moscow, 2001.)
- [Шарф 2015] — *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы / Пер. с нем. И. Карташева и М. Лавринович; научн. ред. пер. М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- (Sharf K. Katharina II, Deutschland und die Deutschen. Moscow, 2015. — In Russ.)
- [LeDonne 1984] — *LeDonne J.P.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton, NJ: Princeton UP, 1984.
- [Marasinova 2016] — *Marasinova E.* Punishment by Penance in 18<sup>th</sup>-Century Russia: Church Practices in the Service of the Secular State // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. No. 17 (2). P. 305—332.
- [Poe 2000] — *Poe M.T.* “A People Born to Slavery”: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476—1748. Ithaca; London: Cornell University Press, 2000.